

С. С. Феоктистова

**«БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ ПОЁМ МЫ СЛАВУ!»
(Героизм советских пограничников в поэзии
дальневосточного военкора-фронтовика Сергея Феоктистова)**

*И один в поле воин,
Если он в России скроен.
Ф. И. Тютчев*

Воспитанный на ранних романтических произведениях Максима Горького («Песня о буре известнике», «Старуха Изергиль»), учитель словесности Сергей Георгиевич Феоктистов считал, что в поэзии подвиг каждого бойца должен вдохновлять товарищей-друзей, а не только «траву молодую — степной малахит...». Свой патриотический принцип он соблюдал в мирной поэзии: воспевал подвиги героев-одиночек на социалистических стройках, находил их в хронике пограничных конфликтов. Выступления по радио и встречи с молодыми призывниками филолог обычно заканчивал цитатой: «...Пускай ты умер, но в песне смелых и храбрых духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету...» (это слова из «Песни о Соколе» М. Горького, написанной в 1895 г.). Коллег и сослуживцев восхищала огромная поэтическая память учителя литературы и незаметное для окружающих постоянное пополнение её запасов.

С самого начала педагогической карьеры (1932 г.) Феоктистов сочинял, не зная усталости. Поскольку полные юности и любви стихи он вышагивал по комнате, нередко на популярные молодёжные мотивы, то композиции 1930-х годов назывались «Песни...» или «Марши...» и посвящались молодым агитаторам новой жизни, передовикам колхозной деревни, сельским праздникам и свадьбам, молодым звеньевым и трактористкам. После окончания Коломенского педагогического техникума в 1932–1935 годах Сергей Феоктистов работал учителем литературы в рязанской сельской школе, но уже в 1933–1935 годах совмещал работу филолога и директора той же школы с должностью учителя военной подготовки. Поэтому возвращение защитников рубежей республики оставалось в его поэзии боевой и звенящей темой номер один:

*Заливая песней города и сёла,
Шахты и заводы, гавани морей,
Обновляет землю армия весёлых,
Армия отважных молодых людей.*

*Это наши люди берегут границу,
Разбивают крепость северного льда.
Рвутся в стратосферу на могучих птицах,
Точно и умело водят поезда...
И когда над нами зачернеют тучи,
Пронесётся ветер, и горяч, и зол,
Встанет у границы часовой могучий
Сталинской закалки славный комсомол.
(«Молодость», 1934 г.) [15]*

Когда Рязанский райвоенкомат призвал Сергея Феоктистова на действительную службу, его направили в Ейское военное училище морских летчиков ВВС РККА (1935 г.), которое курировал лично И. Сталин. Училище выполняло сталинскую программу «Подготовить 100 000 боевых лётчиков». Здесь курсант-отличник активно овладевал мастерством штурмана-наблюдателя, расширял личные и морские горизонты — границы Страны Советов. А вечерами, после службы, в авиаджазе училища поэт-авиатор упорно пополнял репертуар автора-песенника и конференсье для военных смотров и/или олимпиад военных училищ, в том числе и с авиапограничной тематикой.

*...Выплывает луна, не спеша из-за гор,
Прогуляться на звездном просторе...
Твой безусый моряк
Отплывает в дозор
В просоленное тихое море...
Он привык различать
Всплеск чужого весла
И винтовку держать наготове:
Чтобы родина наша
Росла и цвела,
И шумели колосьями нови.
Чтобы песни врывались в горячие дни,
Чтобы радость плескалась как море.
Так закрой же окно и спокойно усни!
Твой моряк не задремлет в дозоре.
(«Письмо из дозора», 1937 г.) [21]*

Командование училища поощряло художественные таланты воздушного пограничника, направляло его по субботам на консультации и семинары в

ДОСА Северо-Кавказского военного округа (г. Ростов-на-Дону или г. Краснодар), чтобы во времена партийного контроля Ягоды и Ежова молодой поэт писал «правильные» стихи об истории побед Красной армии, о международной политике, о сталинских соколах и комсомоле.

*...С таким же задором
На сталинских птицах
Мы в небо уносим отвагу свою.
Следим с высоты за советской границей
И к встрече готовы с врагами в бою.
Мы гордо стоим на посту у заставы,
Держа на прицеле внимательный глаз.
О нас поднимает и песню и славу
Родная страна, воспитавшая нас...
(«Племя смелых», 1936 г.) [22]*

И нередко звонкие стихи для выступлений авиаджаза становились ритмичными ротными речёвками:

*Её краснокрылые птицы
Просторы страны берегут,
Спокойствие нашей границы
И песни, и радость, и труд...
(«Родина смелых», 1936 г.) [24]*

Выполняя директивы ВКП(б), песенник-речевик сочинял песни-баллады о массовом патриотизме, о традициях и мужестве советской молодёжи, грудью защищающей социалистическую родину:

*От Байкала до Варшавы
Мимо Пулковских высот
Мы прошли железной лавой
В боевой двадцатый год.
На Кубани, на Урале,
Сытых коней горяча,
Мы трепали генералов
И рубали их с плеча...
Отгремели славой годы,
По домам ушли отцы.
В боевые наши взводы*

Встали новые бойцы...
И когда граница снова
К обороне позовёт,
Кавалерия готова
Повторить двадцатый год.
Запоёт труба горниста
Песню Родины своей.
На скаку кавалеристы
Лихо сядут на коней.
Понесутся в бой рубаки
Через степи и луга
И сомнут в лихой атаке
Недобитого врага.
(«Песня красных кавалеристов», 1936 г.) [18]

Поэтические зарисовки журналиста положили начало новому жанру в копилке Сергея Феоктистова. Репортажи с места подвига стали ведущей формой в работе газетчика-воина. Архивные стихи С. Феоктистова неоднородны по содержанию и художественным достоинствам, встречаются повторяющиеся и подражательные строчки. Есть стихотворения «по поводу» или «к празднику» пограничников и авиаторов, но нет серых и скучных:

Пройди, моя песнь, ураганом
Сквозь дали, сквозь все рубежи,
Туда, где Василий Баранов
Сражённый врагами лежит...
И встань у его изголовья
Натянутая, как струна,
Пропой, как свою любовью
Его вспоминает страна.
За то, как в туманы и вьюги,
Лишь сумерки спустятся с гор,
Он шёл, и спокойный и строгий,
В опасный дежурный дозор.
Прослушивал чутко границу
Под плески амурской волны —
Солдатское сердце стучит там
В такт сердцу любимой страны.

Когда загремели затворы
Врагов на чужой стороне,
Он вместе с горячим патроном
В обойму послал злость и гнев.
Стрелял он, Василий Баранов,
Без устали, горячо,
Пока штыковая рана не выключила плечо...
Когда притащили в застенок
На самурайский допрос,
Он мужественно и стойко
Терзания все перенёс...
Он умер без жалоб и стона
С открытым и гордым лицом.
Склонила свои знамёна
Страна над славным бойцом...
Амурской подругою милой
Заря, словно знамя, горит.
И политрук над могилой
От всей страны говорит:
— Клянёмся: границу закроем,
Где бился Баранов — герой.
Мы завтра кордоны устроим,
Страны сбережём мы покой.
(«Песня о мужестве», 1937 г.) [19]

Конечно, пограничные и авиационные мотивы преобладали в поэзии поэта-штурмана, что отвечало событиям и настроениям предвоенной Европы... Исторические баллады и стихи про выпускников alma mater Феокистов включил в конкурсный сценарий к юбилею Ейского училища и был награждён первой премией. Его пригласили на праздничные мероприятия, где он «пожимал руки птенцам Орлиного гнезда» и читал стихи «Разговор с сыном» («За окном кипит столица...») (1938 г.) и «Новогодняя мечта» (1938 г.).

В 1937 году направленный в Харьковский авиационный полк повышения квалификации (ныне Харьковский национальный университет Воздушных сил имени Ивана Кожедуба) инструктор лейтенант Сергей Феокистов стажировал молодых пилотов, а вечернее время посвящал общению с музыкантами Харьковского ансамбля песни и пляски (руководитель — композитор Матвей Блантер). Лётчик-поэт вдохновенно писал о священном долге пограничников

в небесах, на земле и на море, об испытателях новых краснокрылых ястребков, о российских рекордсменах сверхдальних перелётов... Музыкальным дуэтом было создано несколько патриотических песен, лучшую из которых ансамбль повёз на XVIII съезд ВКП(б) и смотр в Москву (1939 г.):

*С заводов, окраин и пашен
В широкий воздушный простор
Крылатую молодость нашу
Страна посылает в дозор.
Готова в полёт эскадрилья,
Ревут самолёты в строю.
Уносят широкие крылья
Бесстрашную юность мою.
Припев: Взвивайся, мой сокол,
Легко и высоко,
Взвивайся, мой друг боевой!
Пари, быстрокрылый,
Над родиной милой,
Над нашей любимой страной.
Лежат неприступно границы,
Шумят урожаем поля.
И ярко горят над столицей
Чудесные звёзды Кремля.
Припев: Взвивайся, мой сокол,
Легко и высоко,
Сквозь бури и ливень дождя!
Звени, моя песня,
Напевом чудесным
Про славу и мудрость вождя...
(«Песня пилота», 1938 г.) [20]*

Патриотические песни-стихи утверждали неприкосновенность границ молодого государства, воспевали ежедневные заслуги лётчиков-тружеников, охраняющих покой матерей и детей и/или выполняющих интернациональный долг в Испании («Да здравствует ненависть!», 1936 г.).

*...Город горит в знамёнах,
Как за рекой закат,
Строит страна колонны*

*На боевой парад.
— Слушай, моя держава!
Слушай, моя земля!
— Смирно! Равнение направо!
Маршал идёт из Кремля!
Он командирским взглядом
Роты бойцов обвёл:
Каждый боец — что надо!
Каждый боец — орёл!
С гулом стальные птицы
Кружатся над Москвой:
В крепких руках границы!
Люди готовы в бой!
(«Парад», 1938 г.) [17]*

В чёрные времена рыковских и ежовских чисток, в напряжённые дни и недели международных конфликтов на западных границах Союза, в часы беспокойных ночных вахт и дежурств авиасоединений Союза лейтенант Сергей Феоктистов искренне верил и усердно работал над выполнением сталинской программы «Подготовка 100 тысяч краснозвёздных орлов на охрану границ, готовых к выполнению любого задания Родины». Его романтическая муза подчёркивала преемственность военных династий и традиций защитников Отечества:

*...Старший сын возводит плотины.
Средний строит в степи города.
На фуражке у младшего сына
Пятикрылая наша звезда...
Про него поднимается слава
Выше солнца и шире морей:
Он спокойно обходит заставы
В темноте приамурских ночей...
(«Отец», 1936–1939 гг.) [16]*

Военная судьба была благосклонна к трудолюбивому и даровитому поэту. Политуправление Харьковского военного округа зачло патриотическую лирику лейтенанта, его активное участие в воспитании молодых патриотов. После опубликования авторского сборника стихов «Крылатая Родина» (г. Краснодар, 1939 г.) сбылась давняя мечта поэта — его направили на стационарную учёбу в Москву, в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина (ныне

Военный университет Министерства обороны РФ). На факультете «Газетное дело» политрук посещал лекции и семинары, политзанятия и строевую подготовку, а каждый свободный час слушал-впитывал поэтические факультативы в Литературном институте имени М. Горького. На Тверском бульваре поэт заряжался столичными знакомствами и темпом, выступал на вечерах в военных училищах столицы, в рабочих и студенческих клубах.

С благодарностью и гордостью вспоминал после войны орденосный член Союза писателей СССР своё предвоенное знакомство с Константином Симоновым в редакции журнала «Красноармеец» (1940 г.):

К. Симонов: — Привет, политрук! Вчера в Доме литератора слышал твоё выступление с поэмой «Владимир Маяковский» — крепкие стихи... Про тебя москвичи говорят: «Наш пострел везде поспел...» Видел твои стихи-репортажи в «Сборнике южных границ», и на Балтике тебя привечают...

С. Феоктистов: — Салют, старлей! Спасибо на добром слове... Что не весел?

К. С.: — Принёс в журнал карельскую поэму «Сын артиллериста» — не взяли... Говорят, не наше время... Мы теперь с немцами задружились, а у меня строчки: «Немцы бегут, нажмите! Дайте море огня!» Думаю, что море огня у нас не за горами. Какие планы у поэтов-авиаторов?

С. Ф.: — Через две недели экзамены, затем отпуск — и на Дальний Восток...

К. С.: — Зачем политруку отпуск на Дальнем Востоке, где «тучи ходят хмуро», где «край суровый тишиной объят» [слова из песни «Три танкиста»; слова — Б. Ласкин, музыка — братья Покрас]?

С. Ф.: — У нас в подмосковном Егорьевске говорят: «Если в Тулу, то с новым самоваром... А на Амурскую границу — лучше с молодой женой»... Вот поеду на родину, женюсь на землячке, и пока доберусь до Амур-реки и Дальневосточного фронта, то и полной семьёй обзаведусь... Хорошо бы успеть в пути завершить стихи про наши победы на озере Хасан¹ и Халхин-Голе². Тогда бы и газета Дальневосточного фронта «Тревога» меня встретила «поляной», и японцам не грех напоминать об итогах их сказочных северных планов.

К. С.: — Да, велика Россия-матушка, и границу не объехать, не облететь, а держать надо... Москвичи сейчас собирают сборник к юбилею Комсомольскана-Амуре. Надо поддержать дальневосточников. Там сейчас большое военное строительство, новый форпост возводится... Надо народ мобилизовать...

¹ Хасан — озеро на юге Приморского края, где японцы устроили провокации в июле – августе 1938 г., но были уничтожены советскими войсками.

² Халхин-Гол — река в Монголии. В мае – июне 1939 г. японские войска вторглись на территорию Монголии, но были разгромлены союзными советско-монгольскими соединениями.

А ты, Сергей, там, на месте, покрепче прикипай! Каждое болото своего кулика кормит и холит, а кулик должен выучить местные песни и говоры, собрать свой хор... Да и нам надо как-то собраться, дописать наш гимн: «И без ста грамм, товарищ, чаю не заварись... Жив ты или помер, / Главное, чтоб в номер»... Не забыл? [Слова из довоенного варианта «Песни военных корреспондентов» К. Симонова, 1937 г.] Не теряйся, политрук! Пока мы в армии, непременно пересечёмся! До звезды!

Так Константин Симонов всегда прощался с боевыми коллегами. И никто не уточнял, какую звезду имел в виду удачливый спецкор: на погон или на боевой обелиск. Но каждый замечал, что самое частое слово у Константина Симонова было «надо!»...

Стихотворные посвящения заслугам военных лётчиков в пограничных приамурских конфликтах обязательный военкор Сергей Феоктистов выполнил в рабочем порядке («Моя звезда», 1939–1940 гг.; «Воздушный налёт», январь 1941 г.; «Николаю Островскому», 1941 г.).

«Разными словами и выражениями рассказывал политрук С. Феоктистов своим воспитанникам, как во имя неприступности наших границ и предстоящих походов бойцы и офицеры совершенствуют боевую выучку, усиливают мощь и готовность дальневосточных частей» [1].

* * *

Говорят, что все поэты — предсказатели. Прогноз талантливого военкора К. Симонова «о море крови» сбился быстрее, чем ожидалось — «в тот самый длинный день в году» — июньским утром 1941 года, когда солнечное небо границы почернело от фашистских самолётов и авиабомб.

В работу военных корреспондентов нахлынули новые темы: потери советских территорий, разрушенные деревни и города, массовые пленения красноармейцев, эвакуация промышленных предприятий и гражданского населения на восток страны, слёзы детей и матерей, первые единичные герои...

Когда германцы уже готовились к московскому параду 1941 года, от восточных границ к Москве с курьерской скоростью мчались эшелоны с дальневосточными дивизиями, оставив на амурском рубеже подготовленные соединения. Ведь берлинские союзники требовали от Токио наступательной активности, а разведка самураев не могла выявить слабых мест дальневосточного заслона. В пути пограничники чистили оружие, коллективно читали газеты и листовки, заучивали куплеты и марши поэта С. Феоктистова. Новые дорожные песни стимулировали моральный подъём бойцов, душевный настрой и самосознание защитников Отечества, звучали как призывы и военные приказы:

*Мы тебя отстоим, дорогая Москва!
И клянутся бойцы на военных дорогах:
Что фашист не дожждётся японской подмоги, —
Наш Амурский рубеж непреступен, Москва!
(«Клятва амурцев», октябрь 1941 г.) [14]*

Патетический звон колоколов московского парада сибирских и дальневосточных дивизий, прошагавших с полной выправкой по Красной площади сразу на передовые рубежи обороны Москвы, услышал весь мир, он и отрезвил горячие головы фашистов. Советские дальневосточники услышали по радио о параде в Москве 7 ноября (8:00 по московскому времени), а утром 8 ноября местные газеты принесли репортаж своего военкора об этом знаменательном событии. «Поэзия — самая короткая тропа от сердца к сердцу, стреляла кучно и точно в цель, передавала напряжённость момента, чёткое пружинистое ощущение времени — “здесь и сейчас» [29]. Поэт-воин обращался к каждому земляку-дальневосточнику лично:

*Младший политрук С. Г. Феоктистов.
1941 год.*

*— Закрой дорогу на Москву!
Останови врагов!
Как мразь, как сорную траву,
Дави поганых псов!
За чистый воздух над Москвой!
За гордый Ленинград!
Товарищ Воин! За тобой
Народы все следят!
Добудь победу под Москвой
Для каждого из нас!
Товарищ Воин! За тобой*

Весь мир следит сейчас!

(«Товарищ воин!», 10 ноября 1941 г.) [28]

Страстные стихи и марши «Трубача Дальневосточного фронта», созданные в грозные дни исторической битвы под Москвой, красноармейцы вырезали из газет, носили в карманах гимнастёрки до полного распада на сгибах, переписывали в тетрадки и письма родным химическими карандашами.

Они за честь, за честь амурскую

Не раз ходили в смертный бой.

За волю нашу, землю русскую

Стояли насмерть под Москвой...

(«Амур-богатырь»³, 1942 г.) [4]

Журналист использовал разные поэтические формы, чтобы укрепить боевой дух и уверенность в победе у красноармейцев, авиаторов и пограничников. Вечерами поэт возвращался к довоенным курсантским записям, учился у боевых поэтов-фронтовиков, чтобы пополнить летопись войны, достойную героев Дальневосточного фронта.

Его стихи, песни и поэмы насыщены последними известиями с фронта. Героическая оборона дальневосточных пограничных соединений на Волоколамском направлении обороны Москвы, раскрытая в поэме «Не отдадим России никому!», посвящена памяти 28 панфиловцев, которые 17 ноября 1941-го ценою своей жизни остановили дивизию фашистских танков. Драгоценные реликвии истории и культуры, воплощённые в стихах и балладах, рапортах и заметках, работали на мемориализацию народного подвига и были необходимы для поддержки народного сопротивления. Уже в январе 1942 года дальневосточные пионеры славили воинов-гвардейцев в литературном монтаже из стихов политука С. Феоктистова:

— Отныне мы даём святое слово:

Ни жалости, ни милости к врагу!

Учиться у панфиловца Клочкова!

Равняться по гвардейскому штыку!

И бойцы не дрогнули, не сдали,

Ни на шаг не сдвинулись назад:

³ «Амур-богатырь» — изначальное название песни «Шуми, Амур» (музыка В. Румянцева). Очень быстро в заявках по радио, в печати, в художественной самодеятельности воинских частей песню стали называть по первой строчке, что указывало на её народность. Песня «Шуми, Амур» была зарегистрирована в 1944 г., когда восстановили бюллетень «Нотная летопись».

*Крепче скал, прочнее крупновской стали
Воля несгибаемых солдат.*

(«Истребим врагов!» — баллада о 28 панфиловцах, декабрь 1941 г.) [12]

...В годы жарких сражений Константин Симонов не добрался до Комсомольска-на-Амуре. Он увидел стихи дальневосточного военкора во фронтовой газете «Тревога» и пригласил поэта с поэмой «Письмо» в эстрадно-боевой сборник «Убей его!» (г. Москва, 1943 г.).

Почти автобиографическая зарисовка с дальневосточной границы рассказала о дружбе амурских дозорных и их родных. Дрогнуло моё сердце, когда спустя полвека после войны я впервые прочитала «Письмо» — письмо однополчан к матери погибшего героя-пограничника. «Ксения Андреевна» — так звали мать военкора Сергея Феокистова, так красноармейцы бережно утешали мою родную бабушку, потерявшую на фронтах безжалостной войны четырёх сыновей, так боевой командир просил прощения за жестокость войны, обещал с победой навестить старушку и починить ей крышу...

В военные годы мастерство поэта-репортёра выросло и окрепло, пограждански созрело и художественно расцвело. Упрочился авторитет Сергея Феокистова как ведущего фронтового корреспондента с горячих точек Дальневосточного фронта. Не существовало тем или сюжетов, которые были бы ему не по плечу или не по таланту. И всюду бывший учитель литературы находил способных учеников, готовых сотрудничать с фронтовой газетой, рассказывать о тяжёлой окопной войне, о трудном солдатском ремесле.

Иногда из командировки на границу военкор привозил материалы на два-три номера газеты «Тревога» и «подарочки» — бонусы в советские газеты. Тогда подписывался инициалами С. Ф. или разными псевдонимами: Г. Сергеев, Ф. Сергеев, Сергей Георгиев, В. Сергеев и другими. «Создаём для вражеских разведчиков видимость нашей несметной литературной рати и оптимизма на Амуре», — шутил политрук Феокистов⁴.

Согласно Генеральному плану ротации подразделений Дальневосточного фронта, закалённые и подготовленные фронтовые роты дальневосточников убывали в самые горячие западные участки. Их место занимали мобилизованные призывники из республик Средней Азии, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, которые плохо понимали и говорили по-русски. Для них фронтовая газета «Тревога» еженедельно выпускала вкладыш на родном

⁴ Так, один из материалов, опубликованных в «Тревоге», подписан псевдонимом Ф. Сергеев: Сергеев, Ф. Итоги конкурса на лучший плакат об Отечественной войне // Тревога. — Хабаровск, 1942. — 31 янв. — С. 4.

языке, а корреспонденты писали о самых отважных и умелых бойцах-нацменах (из национальных меньшинств). И старший политрук вновь терпеливо проводил «Школу молодого бойца», рассказывал новобранцам об истории и традициях Дальневосточного округа (ДВО), о героях-пограничниках:

*...Здесь у седых Крылатых скал,
У миистых сопок-великанов,
Ладога знамя целовал,
И камни обагрил Баранов...
Припомнит ветер ледяной,
Когда бесстрашием объяты,
Стояли на смерть под Москвой
Дальневосточные солдаты...
И шли неистово в штыки
На Волжском вздыбленном кургане
Мои лихие земляки,
Мои друзья-однополчане...
И в плоть мою тогда войдёт
Их сила русская, литая.
И поведёт меня вперёд
Их слава вечная, святая...
(«Дальневосточник», 1944 г.) [11]*

Ежедневные бесконечные провокации японских стервятников, их разведки боем боевой готовности дальневосточных пограничников «на земле, в небесах или на море» давали немало иллюстраций героизма для прессы, помимо известий с западных фронтов. Корреспондент «Тревоги» С. Феоктистов отдавал утреннее время и первое место в газете красноармейцам, беззаветно исполняющим приказ, «героическим одиночкам». Например, информация о подвиге стрелка-автоматчика Матросова Александра Матвеевича (05.02.1924–27.02.1943) поступила в редакцию в марте 1943 года, когда ГлавПУр (Главное политическое управление) прислало листовки о его подвиге — для перевода на языки призывников из союзных республик. В сентябре 1943 года пришёл приказ Главкома о присвоении Матросову А. М. звания Героя Советского Союза, и 27 сентября фронтовая газета «Тревога» напечатала реквием «Бессмертие» и фотографию комсомольского билета героя. Сергей Феоктистов оперативно рассказал о самоотверженном подвиге 19-летнего автоматчика, почти мальчика, который сделал свой главный мужской шаг — грудью закрыл kloкочущую амбразуру вражеского дзота:

*И дзот ослеп и захлебнулся кровью.
И батальоны ринулись вперёд.
Бойцы спешат к родному Приднепровью.
И, осенённый славой и любовью,
Живой Матросов среди них идёт...
И если смерть свинцом осатанелым
Перед тобою встанет на пути,
Встречай её бестрепетно и смело,
Чтобы в века бессмертием войти!
(«Бессмертие», 1943 г.) [5]*

Красноармеец А. Матросов выполнил приказ командира, сохранив жизни своим товарищам; он стал символом воинского долга и мужества.

Это сегодня мы можем в Интернете найти массу рассказов о клубах красных следопытов имени Александра Матросова, которые собрали информацию о 500 красноармейцах, повторивших этот подвиг на российских фронтах в 1943–1945 годах — от сына полка 13-летнего Саши Пилонко до группового подвига шести гвардейцев — участников Сталинградской битвы. И черта под фамилиями смельчаков ещё не подведена; раскрываются всё новые имена героев на полях сражений Великой Отечественной войны. Но все историки Второй мировой войны отмечают, что только в России воины отдавали свои жизни ради выполнения приказа, ради спасения товарищей или освобождения пленных.

Сегодня на заросших боевых полях от Курил до Шпрее стоят бронзовые обелиски с именами российских героев, защищавших Отчизну и своих товарищей до последнего дыхания:

*Он рванулся вперёд к смертоносному дзоту
И упал, как Матросов, закрыв пулемёт...
Вновь в атаку пошла окрылённая рота,
И молчал, как могила, заглушенный дзот.
В то мгновенье, когда боевой наш порядок
Поднимался, не тронутый градом свинца,
Как один, мы увидели вставшего рядом
Петрашкова, шагнувшего в вечность бойца...
(«Бессмертие», 1945 г.) [11]*

Военкор С. Феоктистов жил на границе, «на Восточном пороге Отечества», работал «на линии огня»; поэт личным примером готовил новообращённых дальневосточников ко встрече агрессивных самураев. Перед атакой

стихотворные строки политрука действовали сильнее любых доводов, были подобны выстрелу ракеты, поднимающей из окопов краснозвёздных солдат.

*В каком бы уголке России
Не заиграла сбор труба,
Куда б меня не заносила
Моя солдатская судьба,
Везде бестрепетно и смело
Я встречу лютого врага,
Чтоб ты цвела и зеленела,
Моя приморская тайга...
Здесь всё мне дорого и свято,
Знакома каждая скала,
Здесь наша Родина солдатом
Меня впервые назвала.
(«Клятва», 1944 г.) [13]*

Индивидуальность Сергея Георгиевича узнавалась в каждом стихотворении, в каждом выступлении поэта — в красном уголке заставы или в механической мастерской, в районной библиотеке или в национальной школе-интернате.

Нередко фронтовые стихи, созданные в ритме популярной довоенной песни, сами превращались в песню. В дуэте с композитором В. Румянцевым, хударком ансамбля песен Дальневосточного военного округа, за годы войны было написано около 30 песен, помогающих служить красноармейцам, строевых, торжественных — для смотров, шуточных или лирических, начиная с «Мы ведь с Дальнего Востока / Нам ведь иначе нельзя» (1940 г.) и других.

Труднее всего давалось воспитание призывников из республик Средней Азии, не желающих нарушать мусульманские традиции и законы, фанатично исполняющих требования веры, а не приказы командиров.

Закалённые пополнения приамурских аборигенов или воспитанники дальневосточной тайги легко адаптировались к новому армейскому режиму и подчинялись строевой дисциплине.

*Неделю целую подряд
В тайге орудия гремят.
Тревожит наш учебный бой
Её нетронутый покой.
И мы ползём по гребням скал,
Где даже тигр не проползал,
Где только сын её — Дерсу*

*Пронёс берданку навесу...
...Цвети, тайга, звени, тайга!
Ты недоступна для врага!
И мы храним вместе с Дерсу
Твою суровую красу!
(«В тайге», 1944 г.) [7]*

Призывники-охотники пополняли школы снайперов, сохраняли свои обычаи и прославляли армию амурских пограничников («Закон тайги», 1944 г.; «Дружки», 1944 г.).

Порой репортажи поэта о героях-дальневосточниках напоминали живые биографии земляков или благодарственные письма командиров родителям и родным — за воспитание отважных героев:

*Пройдут года, и многое на свете
Останется у жизни позади.
Листая буквари, увидят наши дети
Героя с орденами на груди.
И скажет белобрысым ребятишкам
Учитель с поседевшей головой:
— Вот Александр Иванович Покрышкин —
Отечества любимого Герой.
Он — наш земляк, непобедимый воин,
Вожак бесстрашных сталинских орлов.
Он всенародной славы удостоен
За то, что в битве не щадил врагов...
Не мог смотреть он без тоски и боли,
Как немец вишни вырубал в садах...
Как шли угрюмо матери в неволю
С грудными малышами на руках...
Как наши реки от огня мелели,
Как чужеземцы грабили и жгли
Всё то, чем мы гордились с колыбели,
Что с юных лет мы свято берегли.
Он мстил врагу за осквернённый воздух,
За горе обездоленных ребят...
Нетленной славой Золотые звезды
На гимнастёрке земляка горят.
(«Александр Покрышкин», 1944 г.) [3]*

Баллады о героях Великой Отечественной войны украшали школьные праздники, детские концерты в госпиталях для раненых или олимпиадные выступления в фонд всеобуча. Такие акции повышали самооценку участников, вдохновляли подростков на подвиги в учёбе, в спорте, в покорении неба. И никто не уточнял, чьим земляком считал себя сибиряк А. И. Покрышкин, который учил юношей достойно защищать Отечество до последнего часа на любом посту, в любое время года...

Служба в осаждённом хабаровском форпосте, как и непрерывная трудовая вахта на военизированных заводах, требовала эмоциональной поддержки дальневосточников. И сталинские «Соколы» вставали в ряды защитников восточных рубежей, личным примером и воинствующей поэзией укрепляли веру земляков в близкую Победу.

*Четвёртый день на всю тайгу
Ревут свирепые метели.
Лежат на вздыбленном снегу
С корнями вырванные ели.
А с перевала, как с небес,
Как неумные орлята,
Летят тайге наперерез
Заиндевелье солдаты...
Лишь снег вихрится позади,
Лишь развиваются халаты,
Да на завьюженной груди
Сверкают сталью автоматы.
То через кряжистый хребет,
Через скалистые высоты
Усатый капитан ведёт
Свою бесстрашную пехоту...
И уступает им тайга
Свои нетронутые вёрсты,
И покоряется пурга
Их богатырскому упорству.
(«В метель», 1945 г.) [8]*

Анализ военной поэзии С. Феокистова в динамике показал, что боевые победы Красной армии на западных фронтах активизировали в поэте педагогические заботы о достойной смене пограничников Дальневосточного фронта:

Шумит тайга, и нет ей края.
Дубы столетние кругом.
Волной на берег выбегая,
Амур резвится за окном.
Торжественно и величаво
Горит закат на гребнях гор.
Темнеет даль. И на заставе
Бойцы готовятся в дозор.
И как всегда, в минуты эти
В казарме замирает строй.
И на бойцов глядит с портрета
Сержант Василий Луговой.
Отсюда он тревожной ночью
Ушёл туда, в огонь и дым...
И здесь поклялся пулемётчик
Дружкам-товарищам своим:
Что там, в бою неумолимом,
Среди бушующих страстей
Не посрамит он край любимый,
Не подведёт своих друзей.
И он остался верен долгу:
Он полем воинской страды
Без отдыха — от самой Волги
Шагал до Одерской воды.
Он первым из гвардейской роты
Кипящий Одер переплыл,
И в трудный час своей пехоте
Огнём дорогу проложил...
Его немеркнущая слава
Пошла, как песня, по стране...
Она таёжную заставу
Нашла в приморской стороне...
И вот в приветливой казарме,
Волнуя воинам сердца,
Висит в резной нарядной раме
Портрет отважного бойца.
Опять с ребятами в дозоре

*Стоит в отеческом краю...
Он учит их — врагам на горе —
Солдатской доблести в бою.
(«Портрет героя», 1945 г.) [23]*

Из отдельных сюжетов героической службы пограничников, их самоотверженного труда складывалась картина сплочённости и стойкости многонационального пограничного братства Дальнего Востока:

*Как кедры те, корнями сильными
Мы в землю Родины росли.
(«Где буйный Хор...», 1945 г.) [9]*

Литературный обозреватель Дальневосточного фронта капитан Сергей Феоктистов предвидел, что вслед за победой над германцами Красной армии предстоит выполнение решений Ялтинской конференции (1944 г.), что полуторамиллионная армия милитаристской Японии сама «не растает за Амуром». И когда Родина приказала, пограничники Дальневосточного фронта первыми эшелонами устремились выполнять свой интернациональный долг — освобождать от японских агрессоров народы Монголии и Китая, Индокитая и Кореи.

«На слабых примерах патриотов и героев не воспитаешь, — говорил молодым коллегам фронтовой офицер, летописец первого ряда атаки, руководитель группы корреспондентов фронтовой газеты “Тревога”. — Только сильные и отважные богатыри могут служить образцами для подражания» [27]. И вместо доклада читал поэму «Солдат»:

*Шумит река, быстра и полноводна,
Но нет за ней спасения врагу!
Бойцы спешат. Им надо быть сегодня
На том днепровском правом берегу.
И пусть от крови пламенеет камень,
Свистит металл пронзительно и зло...
Дальневосточный коренастый парень
Уже налёг на прочное весло...
А неприятель бьёт:
Свирепо, беспрестанно...
А смерть шипит, ревёт невдалеке...
До облаков вздымаются фонтаны —
И нет живого места на реке...*

*Боец гребёт, упрямо, непреклонно,
Он слышит зов пленённых матерей...
И, рассекая яростные волны,
Рыбачья лодка движется быстреей.
Уже привстали на корме ребята,
Уже заветный берег недалёк,
Последний взмах. — И русские солдаты
Целуют влажный золотой песок.
Боец свою израненную лодку
Ведёт назад дорогой огневой...
Напрасно пушки надрывали глотки,
Напрасно «Юнкерс» выл над головой.
Он за двенадцать беспримерных рейсов
В невыносимом дьявольском аду
На правый берег пятьдесят гвардейцев
Провёз у жадной смерти на виду...
Он знал, что пули не минуют многих,
Что будет даже очень тяжело,
Но только эти трудные дороги
Его ведут в амурское село...*

(«Солдат» — о подвиге Героя Советского Союза амурского пограничника Василия Брыль, 1944 г.) [26]

Как и другие журналисты Восточного округа, военкор вновь шагал в первых российских батальонах, чтобы рассказывать о новых героях Дальневосточного фронта. Шедевры победной поэзии и музыки со временем складывались в мозаичные красочные картины Дальневосточного форпоста Отечества, цементировали образы и характеры преданных патриотов — стражей родного Приамурья и Приморья...

Когда советские войска освободили западные районы СССР и перешли границу, военкор не терял связи с дальневосточными дивизиями, выполнявшими свой интернациональный долг, и обращался к землякам с поэтическим приветом и поддержкой через московские журналы:

*...Идут они, грозные судьи,
В проклятый разбойный Берлин...
(«Граница», 1944 г.) [10]*

*Край мой милый, хоромы лесные,
Говорливый амурский прибой!
Разве могут метели шальные
Разлучить наше сердце с тобой?!
Здесь давали мы клятву России,
Здесь мы ратную честь обрели.
Здесь мы потом своим оросили
Каждый шаг благодатный земли...
(«Слово дальневосточника», 1944 г.) [25]*

Шестьдесят лет прослужил Дальнему Востоку Сергей Георгиевич Феоктистов (1913–1999 гг.) и ни разу не пожаловался на усталость. Более того, военный журналист и поэт умел разделить свою преданность и любовь с другими, прибывающими и убывающими военнослужащими приграничной советской земли...

В канун годовщины Великой Победы мы читаем и вспоминаем злободневные, почти ритуальные произведения Сергея Феоктистова, достойные памяти дальневосточников и внимания их детей и внуков.

Капитан С. Г. Феоктистов в годы Великой Отечественной войны был награждён за личное мужество медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Он участвовал в Маньчжурском походе, освобождении китайских городов Фугдин и Цзямусы.

Несмотря на полную капитуляцию, побеждённые южные соседи России по-прежнему грезят о «северных территориях», о богатствах дальневосточного края. И сегодня нам всё так же необходимы героическая армия, пограничные герои-одиночки и героические военные корреспонденты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гай, Ан. Стихи боевого действия / Ан. Гай // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 16 марта (№ 64). — С. 3.
2. Федотов, А. Я. Шумит Амур, шумит... : [интервью к 85-летию поэта Сергея Феоктистова] / А. Я. Федотов ; предисл. ред. // Тихоокеан. звезда. — 1998. — 11 июня (№ 115–116). — С. 3.
3. Феоктистов, С. Г. Александр Покрышкин («Пройдут года, и многое на свете...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1944. — 24 сент. (№ 228). — С. 4.
4. Феоктистов, С. Г. Амур-богатырь / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1942. — 27 дек.

5. Феоктистов, С. Г. Бессмертие («Кругом леса да буйные покосы...») : баллада : [посвящение подвигу Александра Матросова] / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1943. — 29 сент. (№ 231). — С. 3. — Фото героя и его комсомольского билета.

6. Феоктистов, С. Г. Бессмертие («Он рванулся вперёд...») : [подвиг комсорга Петрашкова на Курилах] / С. Г. Феоктистов // Суворов. натиск. — 1978. — 30 июля (№ 176). — С. 2.

7. Феоктистов, С. Г. В тайге («Неделю целую в тайге...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1944. — 15 окт. (№ 246). — С. 4.

8. Феоктистов, С. Г. В метель («Четвертый день на всю тайгу...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1945. — 1 янв. (№ 1). — С. 3.

9. Феоктистов, С. Г. Где буйный Хор... / С. Г. Феоктистов // На рубеже : альманах. — Хабаровск. — 1946. — Кн. 2. — С. 120–121.

10. Феоктистов, С. Г. Граница («Одесса, Проскуров, Карпаты...») / С. Г. Феоктистов // Пограничник. — 1944. — № 11/12. — С. 18.

11. Феоктистов, С. Г. Дальневосточник («Когда придёт и мой черёд...») / С. Г. Феоктистов // Боевая вахта. — Владивосток, 1944. — 10 авг. (№ 190). — С. 2.

12. Феоктистов, С. Г. Истребим врагов! : Баллада о 28 панфиловцах / С. Г. Феоктистов // Тревога, 1941. — 10 декабря. — С. 2.

13. Феоктистов, С. Г. Клятва («В каком бы уголке России...») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеанская звезда. — 1944. — 11 мая (№ 111). — С. 2.

14. Феоктистов, С. Г. Клятва амурцев («Мы тебя отстоим, дорогая Москва...») / С. Г. Феоктистов. — Текст : электронный // Стихи о войне / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — URL: kmslib.ru/stihi-o-voyne/.

15. Феоктистов, С. Г. Молодость («Наши дни богаты...») / С. Г. Феоктистов // Наша юность : стихи и песни. — Ростов-на-Дону, 1937. — С. 58–60.

16. Феоктистов, С. Г. Отец («Ты прошёл сквозь суровые годы...») / С. Г. Феоктистов // Лётчик-Сталинец. — Ейск, 1936. — 11 окт. (№ 165). — С. 2.

17. Феоктистов, С. Г. Парад («Льются над родиной песни...») / С. Г. Феоктистов // Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 20–21.

18. Феоктистов, С. Г. Песня красных кавалеристов («От Байкала до Варшавы...») / С. Г. Феоктистов // Лётчик-Сталинец. — Ейск, 1936. — 28 янв. (№ 1). — С. 2.

19. Феоктистов, С. Г. Песня о мужестве («Пройди, моя песнь, ураганом...») / С. Г. Феоктистов // Лётчик-Сталинец. — Ейск, 1937. — 23 февр. — С. 2. — Посвящается Василию Баранову, амурскому пограничнику, замученному в плену японцами.

20. Феоктистов, С. Г. Песня пилота («С заводов, окраин и пашен...») / С. Г. Феоктистов // Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 61–62.
21. Феоктистов, С. Г. Письмо из дозора («Закипает вода у крутых берегов...») / С. Г. Феоктистов // Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 8–9.
22. Феоктистов, С. Г. Племя смелых («Где зверь не решался пронести своё тело») / С. Г. Феоктистов // Красный кавалерист. — Ростов-на-Дону, 1936. — 20 февр. (№ 42). — С. 3.
23. Феоктистов, С. Г. Портрет героя («Шумит тайга, и нет ей края...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1945. — 15 апр. (№ 89). — С. 4.
24. Феоктистов, С. Г. Родина смелых («Румяное солнце над морем...») / С. Г. Феоктистов // Пронский колхозник. — 1936. — 19 авг. (№ 94). — С. 2.
25. Феоктистов, С. Г. Слово дальневосточника («Смолкнул гулкие раскаты...») / С. Г. Феоктистов // Пограничник. — 1944. — № 22. — С. 36.
26. Феоктистов, С. Г. Солдат («Шумит река, быстра и полноводна...») : [Герою Советского Союза — амурскому пограничнику Василию Брынь] / С. Г. Феоктистов // От Амура до Дуная и Эльбы : рассказ о Дальневосточных частях и соединениях, отличившихся на фронтах Отечественной войны / ред.-сост. Ю. Яхнин. — Хабаровск, 1985. — С. 238.
27. Феоктистов, С. Г. Солдатское братство : очерк о Героях Дальневосточного фронта / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1944. — 8 сент. — С. 3. — Портреты Героев.
28. Феоктистов, С. Г. Товарищ воин («Кровавый изверг под Москвой...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1941. — 10 нояб. (№ 265). — С. 4.
29. Феоктистов, С. Г. Учат бойцов и учатся сами / С. Г. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1941. — 16 авг. — С. 3.

Фотография предоставлена автором.